

НОВЫЕ МИФЫ

АША традиция—встречать Новый год...

НАША традиция—встречать Новый год... Часы на Спасской башне бьют двенадцать раз. Хлопает шампанское. Голос из телевизора желает нам новых побед.

В этом году будут новшества. В новогоднюю ночь с главного древа Кремля упадет красный флаг СССР, и мы его больше уже не увидим в повседневной жизни. В эту ночь есть шансы, что шампанское хлопнет в часы на Спасской башне пробьют. Я неисправимый оптимист и верю, что следующий Новый год будет веселей. Замедленные ритмы нашей демократизации все же переломались в уходящем году. Может быть, в грядущем сам ритм «очеловечения» убыстрится?

Но какие традиции возьмем мы с собой? Традиции русской интеллигенции, выжившие на «московских кухнях», в библиотеках и в разбросанных по миру душах? Традиции хрупкого Серебряного века, ушедшие глубоко под землю и не возрождающиеся одним названием имен? Традиции здорового советского искусства, должествующего—хочешь не хочешь—радовать зрителей в начальство?

Где проходит в наших традициях граница раздела между мифом и реальностью?

Когда я вижу в бывшем Кировском, ныне Марининском, театре английского режиссера, репетирующего оперу Прокофьева, то вдруг вспоминаю, что Мейерхольд привел Прокофьева в этот театр к дирижеру Альберту Коутсу, тоже англичанину, и было это в 1916 году. И я сразу думаю: вот, все возвращается! А потом понимаю: миф. Марининский театр 1916 года не вернется никогда. Но думать о том, что хотя бы в этих стенах продолжатся теперь богатейшие оперные традиции России, можно. Ведь на Москву в целом пока что надежды мало.

Взять хотя бы Музыкальный театр имени Станиславского и Немiroвич-Данченко. Он встал себе существование под этим именем после того, как насильственно соединили две труппы с весьма различными творческими установками. До сих пор в криволинейно оформленном помещении, гордо именуемом музеем театра, господа основатели смотрят в разные стороны, отвернувшись друг от друга. Так какие же традиции живут в этих стенах?

Пережив беспрецедентный, кажется, за всю историю существования театров крах (вслед за главным дирижером Евгением Колобовым, который сделал бы честь лучшим сценам мира, эти стены дружно покинули хор и оркестр), здание доказало свою верность боевому духу советского искусства. Позвали режиссера Николая Кузнецова, известного Москве своим кондовым умением делать все быстро и плохо, и с помощью зрелых масте-

ров, приглашенного оркестра и наспех сколоченного хора сварили спектакль «Пиковая дама», вызвав неумный восторг публики и некоторых рецензентов. Какие же традиции продолжил этот спектакль? Во-первых, традицию выдавать старое за новое: шедевр Чайковского был поставлен Львом Михайловым и Дмитрием Китаенко в 1976 году. Между тем патриарх оперной режиссуры Борис Покровский подчеркивает мгновенное окостенение самих свежих находок, если остановлен живой процесс. Во-вторых, спектакль продолжил традицию превращать белое в черное: конаторский для своего времени замысел Михайлова огрубел до неузнаваемости и окарикатурел. На сцене неуверенно запахло приемами печально знаменитого Шароова, который весьма успешно рушил в этом театре все михайловское. В-третьих, традицию, согласно которой «зрелые мастера» имеют право выходить на сцену (же надо говорить «петь»—это не то слово), когда им вздумается. В сочетании «зрелые мастера» слово «зрелые» надо понимать через образ зрелого помидора, которым в театрах Италии чтут особо отличившегося исполнителя. А если к «зрелым» добавить молодых мастеров, выделяющихся бесподобной выучкой (Елецкий очень напоминает сантехника из жана), то цельность ансамбля оказывается сказочной. Есть, правда, одно досадное исключение: горничная Маша Татьяна Моногаровой слишком интеллигентна, слишком органична. Единственное живое существо среди окаменелостей. Спектакль наводит на мысль о горькой судьбе русской служанки под пятой у самодуров...

Наши традиции

Художественные и моральные традиции русской интеллигенции, к которой имели честь принадлежать Станиславский и Немiroвич-Данченко, в этих стенах истаяли. Достоин ли стены носить почтенные имена?

«Я не думаю, что нужно специально стараться сохранить национальную самобытность чего-либо: о чем приходится стараться, то, видимо, и не заслуживает сохранения»,— утверждает Михаил Леонович Гаспаров, которого я особо чту среди наших внешних культурологов— не только за высочайший ум, но и за высочайшую нравственность. Когда нам говорят: эти традиции надо сохранять, не значит ли это, что они не заслуживают сохранения?

Традиция, наверное, как и стиль, выражается в конечном счете в живом человеке.

В Москве появился Александр Тител, оперный режиссер с немалыми заслугами. Было бы славно, если бы традиция истового коллективного творчества, утверждавшаяся им в Екатеринбургe, продолжилась на новой почве.

В Москве уже есть традиция Евгения Колобова, умеющего весь жар души вкладывать в творимую им музыку и тем самым зажигать наши сердца.

В Москве есть мощная традиция Бориса Александровича Покровского, восходящая к живому Прокофьеву и другим русским интеллигентам.

Может быть, это не так мало, и на Москве как на оперной столице рано ставить крест?

Или это блеск и потрескивание свечек на новогодней елке окружают в моих глазах оперное сегодня Москвы мифическим ореолом?

Приедет Доминго в Москву в данный момент или не приедет, не так уж важно. Важнее, чтобы в будущем ему хотелось сюда приехать. У теноров ведь отличная витуация.

Алексей ПАРИН.